

РАКЕТА НАД ХУТОРОМ

Южнее Давид-Городка, в междуречье Моствы и Ствиги, впритык к Украине, лежит терра-инкогнита Беларуси, обозначенная ржавыми, но злыми табличками "Стой! Стреляют!" В прямоугольнике примерно 60 на 40 километров ни единой деревни. Все и вся подчинил себе крупнейший военный полигон.

В начале девяностых промелькнуло несколько публикаций, что на Столинском полигоне в шестидесятых испытывали ядерное оружие, после чего Полесье получило первую порцию радиоактивных осадков (вторая — Чернобыльская). Чтобы скрыть содеянное, начали осушать болота, запахивать радиацию. Такова, мол, причина мелиорации.

О мелиорации, конечно же, — нелепость. На Витебщине и Могилевщине испытаний ядерного оружия не проводили, однако остервенело сушили болота большие и маленькие. О полигоне: я проник туда при поддержке полесских аборигенов, для которых тайн и запретов в родной природе не существует. Что естественно.

Солнечным июльским утром мы с дедом Онуфрием сели в деревянную лодку-плоскодонку, снаряженную мотором, по рукотворной канаве прошли из деревни в Ствигу, один час летели по реке, затем, притормозив, свернули в ивовый куст, который маскировал вход в протоку, в круговерть проток, стариц, крохотных озер, белых лилий, желтых кувшинок, зеленых камышей. По каким ориентирам двигался дед Онуфрий, не знаю. Я вручил ему свою судьбу на три часа...

Не успели мы приткнуться к берегу, как там возник старик с увесистой палкой в руке, чему мой рулевой не удивился, радостно крикнул с лодки: "Здравствуй, дядько Гриша!" — "Здравствуй, Нуприк! — сказал старик. — Я тебя жду. Услышал лодку, сел и жду."

За приречными кустами открылась лесная поляна. Добрую ее часть занимал навес для скота, без стен, крытый камышом, пустой. На краешке поляны, под дубом, стояла черная хата, тоже под камышом, как и большой, явно солиднее хаты, сарай рядышком, под вторым дубом. Хата и навес для скота разделялись садом, там рядами выстроились улья. У хаты, дотрагиваясь до кроны дуба, стоял колодезный журавль. На коньке хаты ветер то надувал, то отпускал яркий рукав флюгера, какие обыкновенно украшают аэропорты.

Старики казались одногодками, однако в хате, когда выпили самогонки и раздумянулись, подтвердили пятнадцатилетнюю разницу в возрасте: гостю было семьдесят, хозяину восемьдесят пять, у племянника щеки пламени ярко-красным, у дяди густо-бордовым. Оба старика были гладко выбриты, одеты в зеленое, военное. Сидя на сосновой скамейке, элегантно смотрелись на фоне побеленных стен и печи.

Где стоит хутор деда Гриши, точно не знаю. Где-то в углу полигона. Почему хутор не переселили в деревню, я не спрашивал, чтобы не выглядеть дураком.

Решение о сносе хутора принято еще при коммунистах. Дед Гриша получил компенсацию, но с места, где родился, не стронулся. Его отец

поставил здесь хату в конце девятнадцатого века: ушел из деревни от безземелья. Сын остался здесь, чтобы не пропала отцовская земля. Двое братьев вернулись в деревню, осели там хозяйством, уговаривали его "бросить глушь". Он отвечал: "Мы с бабой у Бога за пазухой."

В марте, по последнему морозу, когда болото сковано льдом, на хутор притаскивали колхозным трактором будку на санях, в будке двадцать пять теляток-"мальчиков", за два рейса получалось пятьдесят. Лето телята паслись под присмотром деда Гриши, нагуливали вес на приболотных лужках. В декабре, по новой зиме, по замерзшему болоту, в колхоз перебирались своим ходом сорок девять откормленных бычков (один оставался в качестве зарплаты деду Грише), радуя председателя, делавшего все возможное, чтобы военные смотрели сквозь пальцы на хутор.

Военные смотрели на хутор не только сквозь пальцы, но и сквозь призму своих интересов. В хате деда Гриши всегда можно отвлечься от боевых проблем самогоном, можно взять с собой пару бутылок в обмен на какой-нибудь ящик мыла либо осветительных патронов (ракет), либо постельного белья, пары сапог, галифе, пачки теплых портянок и многого другого, что лежит на складе под пятерней прапорщика.

Власть, до которой километров десять-пятнадцать непроезжего болота, не решалась снести хутор, так как не желала остаться без даров природы, за ними-то и прибыл племянник. В армии, как помнится, есть разводящий караула, Онуфрий был развозящий бидоны с медом, мешки с сушеной рыбой и сухими грибами. Если бы грибы, рыба и мед были радиоактивными, то власть бы их на всеядный зуб не положила.

Значит, ядерные испытания в окрестностях хутора не проводились, что подтверждают также почтенный возраст, хорошее здоровье деда Гриши и его жены бабы Тани. Чем же занимались военные на громадном полигоне? Дед Гриша со знанием дела сказал мне, что там испытывали "новые орудия и снаряды". Когда "бухало", дед Гриша и баба Таня залезали в погреб, как советовали военные. Когда делалось тихо, вылезали.

Бог не дал им детей, зато дал лес, реку, болото, приболотье, поляну. Боговым они и жили. Огород устроили у болота, разделили на две агрономические зоны. Сухая, супесчаная зона лежала повыше, под картофелем и рожью; нижняя, торфяная, овощная, — продвинулась в болото, перед тем отгородившись от него канавой.

Мелиорацию век назад провел отец. Дед Гриша и баба Таня поддерживали канаву в рабочем состоянии, заставили ее не только осушать, но и увлажнять. Они прокопали ее дальше от болота, глубоко врезали в высокую часть огорода. Вода в канаве стоит даже в сушь, поит огород. Кроме того, болотная вода обеспечивает сохранность продукции в погребе, превращаясь в лед.

Погреб деда Гриши — часть полесского ландшафта. Над обжитой поляной нависала двуглавая горка, поросшая лесом. Микроущелье меж двумя микрохребтами дед Гриша углубил и выровнял, стены обшил дубом, сверху в три наката положил смолистую сосну, засыпал песком, посадил для маскировки кустики. Не погреб — бомбоубежище. И холодильник. Под весну дед продолбит во льду мелиоративной канавы дырочку, заложит туда

шашку... Куски льда, укрытые в погребе мхом, все лето поддерживают высокие пищевые качества заквашенного березового сока, яблок, клюквы, соленого сала и мяса, молочных изделий, картошки...

Огородом, домашним хозяйством, ягодами, вареньями, грибами, целебными травами с утра до ночи заботилась баба Таня. Дед Гриша в перерывах между рыбалкой, охотой, пчеларством, плотництвом, столярством смотрел колхозных телят, которых водил за собой прошлогодний бык, ставший вожакком. Забота деда заключалась в том, чтобы вечером стадо (там находились и две личные коровы с двумя телятами) пришло под навес, где всегда лежала вкусная трава. Утром дед Гриша запрягал в повозку на самолетных колесах коня Овода, ехал искать лучшую травку, косил, подвяливал, привозил, раскладывал в кормушки. На непастбищный период заготавливал сено.

Ночью, когда начинал сердито лаять Шарик, дед Гриша вставал, бурчал, сопел, брал из ящика в сенях две ракеты, выходил в темень, запускал в нее шипящий свет, шел под навес, смотрел жующих телят, запускал второй свет, смотрел на флюгер над хатой, выпивал кружку березовика, ложился спать, проинформированный о предстоящей погоде, уверенный, что дикий кабан, или лиса, или ежик напугались ракет до следующей ночи. Волки не появлялись очень давно.

Существует равнодушная, но настойчивая легенда о "неброскости" и "скромности" белорусской природы. Равнодушие порождено поверхностным взглядом, не улавливающим ИНФОРМАТИВНОСТЬ ЛАНДШАФТА. Абориген видит в привычном природном комплексе значительно больше, чем турист. Абориген с детства получает из природы информацию, на основе которой преобразует окружающую среду либо приспосабливается к ней. Путешественник заметил бы на хуторе деда Гриши и бабы Тани крутую двуглавую горку, хуторяне увидели не только горку, но и погреб.

Количество природной информации, накопленной человеком, намного превышает общее количество полученной им технической, экономической, культурной информации. Если перевести информацию об окружающей среде в байты, то у ЭВМ мира не хватит мощности разместить ее. Часть информации навсегда утрачивается, человечество теряет опыт предшествующих поколений. Дед Гриша, возможно, последний полешук, умеющий добывать мед из колод, развешанных на дубах в лесных чащобах. Баба Таня наверняка последняя полешучка, уверенная, что ежегодняя (к Пасхе) побелка стен гигиеничнее и красивее многолетних обоев.

Белорусы как обладатели природопользовательской информации — мировые лидеры (второе место после эскимосов, научившихся жить на льду). Удивляюсь, почему данный национальный феномен не привлекает внимание ученых, политиков, госмузей, философов, писателей. Дарю вам новую тему, уважаемые. Очень прошу вас углубить и расширить мой тезис о том, что ледник, задержав на здешней территории цивилизацию, заставил протобелорусов углубить естественные познания. Ведь ледник оставил после себя моренный ландшафт — информативный, побуждающий мысль, тренирующий сноровку.

Морена — несортированные обломки скал, размолотые и перенесенные ледниками. Бурое массиво из гальки, гравия, песка, глины залегает на глубине 5-30 метров по всей Беларуси. Издавна белорусы используют морену как строительный материал. На поверхности земли морены формируют моренный рельеф: то выпуклость, то вогнутость, и никакой логики. В Полесье, у подножия песчаной горы, на плоской вершине которой перемещаются дюны, вдруг глянет в тебя черное торфяное око бездонной трясины. В Поозерье моренные холмы неожиданно разрываются озерными котловинами либо залежью валунов. Близ Мозыря можно увидеть крутые швейцарские Альпы, у Логойска — мягкие холмы Закарпаття...

В Толочинском районе мой знакомый Егор Шацкий убирал на склоне местной сопки пшеницу, заполз комбайном наверх и перевернулся. Остался жив, проанализировал ошибку, рассчитал безопасный угол движения и снова повел комбайн по склону. ПРИСПОСОБИЛСЯ.

В Шарковщинском районе, где размокшие тяжелые глины непроезжи, умельцы поставили колесные комбайны на гусеницы и больше не буксуют. ПРИСПОСОБИЛИСЬ И АДАПТИРОВАЛИСЬ.

Прибрежное население Припяти не проклинает реку за периодическое подтопление, не переносит жилье и огороды подальше от воды, а, наоборот, липнет к Припяти, которая обеспечивает урожаем, сеном, рыбой, красой. Приспособились, адаптировались, извлекают выгоду.

Дед Гриша и баба Таня в приспособлении к природе понимают суть жизни. Иных возможностей выжить они не видят, ибо таковых — нет.

Дед и баба — гениальные приспособленцы-белорусы. Природные и социально-экономические препятствия они превратили себе во благо. Ракета над их хутором — салют толерантности как симбиозу свободомыслия, информированности, мудрости, выживаемости.

Во взаимодействии с моренным ландшафтом возник, упрочился, перешел в генную память менталитет белорусов. Информационная емкость природной среды — то же, что энергетическая емкость. Через непосредственный контакт энергия передалась белорусу как мощному аккумулятору природы.

В белорусе больше языческого, нежели христианского. И это спасает белоруса в некомфортной социальной среде. Генное язычничество — продолжение в человеке созидательной природы. Поверхностное христианство — начало в человеке разрушающей идеологии.

Природная энергия помогает белорусу приспособливаться в неустроенном обществе: изменять окраску, как хамелеон, оставлять хвост, как ящерица, разрываться на живучие куски, как червяк, деформироваться под тяжестью обстоятельств, как камбала, воплощаться на нежилом полигоне в деда и бабу, в хате которых висит образ Девы Марии, а под ним дед Гриша пьет самогонку либо для согрева, либо для аппетита, либо в честь гостя...

К окружающей среде (дикая природа, дикое общество) белорус научился приспособливаться одним главным приемом — ТРУДОМ. Холуйство, коллаборационизм, апатия, хитрость, безответственность — приемы второстепенные, несущественные. Чтобы приспособиться, нужно трудиться, трудиться, трудиться...

Не хватало поля на жизнь — белорус копал в морене глину и лепил горшки на продажу. Невыносимой становилась служба у пана — он копил деньги на свою землю (Михал в поэме Якуба Коласа "Новая зямля") или отправлялся зарабатывать на свою землю в Америку (мой дед Иван Мифодьев и тысячи белорусов, уехавших в конце девятнадцатого и в начале двадцатого веков за океан). Если бедная земля все-таки не кормила, то прикормом делались ткачество, соломоплетение... Если в родных местах ни к чему не лежала душа, спасением было отходничество в Питер, Москву, Донецкий бассейн, Восточную Пруссию. А если и отход не избавлял от недоедания и душевного томления — выручала водка.

В 1905 году российский географ и путешественник Петр Семенов (с 1906 года называл себя Тянь-Шанским) выпустил девятый том "настойной и дорожной книги для русских людей" под общим названием "Россия. Полное географическое описание нашего отечества". Взгляд на Белоруссию:

"Вообще белорусы представляют собою едва ли не самый чистый тип славянского племени. Это объясняется тем, что белорусское племя в своем историческом прошлом не смешивалось с другими народностями...

Для того, кто не привык к общему колориту края, белорусское село, вся внешняя его обстановка могут показаться малопривлекательными — серенькими, бедненькими. Все серо и даже темно-серо: белый наряд белоруса очень скоро превращается в грязно-серый, построенная из сосновых или еловых бревен изба также скоро темнеет, а соломенная на ней крыша приобретает грязно-желтый оттенок, пока не покроется оазисами темноватой плесени...

В белорусской деревне мало зелени, так как сады здесь весьма редки. Зато устройство двора дышит хозяйственностью...

Белорус прежде всего пахарь. Раз он чувствует недостаток в земле, он теряется, не умея выйти из затруднительного положения. По натуре довольно пассивный, белорус не отличается предприимчивостью...

Пьянство, быть может, единственная черта, которая с невыгодной стороны характеризует белорусского крестьянина... Белорус отличается бережливостью, почти скупостью, расчетливым ведением хозяйства. На работе он отличается замечательной выдержкой, которая так мало гармонирует с его физической хилостью. Оттого белорусы — прекрасные рабочие на таких трудных работах, как гонка плотов, барж, при земляных и мостовых работах...

Отсутствие злопамятности в белорусе резко бросается в глаза всякому, кто с ним сталкивается. Вообще он обладает кроткой натурой. Весьма возможно, что эта черта, плохо понятая поверхностными наблюдателями, создала легенду о приниженности, забитости белоруса."

Благожелательный взгляд. Точные наблюдения. Неустаревшие суждения.

Приспосабливаясь, белорус не меняется. Много лет назад он был таким же, как сейчас. Меняется среда обитания белоруса: колхоз сделал его безземельным, тотальная мелиорация уничтожила его моренный ландшафт и лишила привычной природной ниши, город заточил в серую панельную

коробку, “развитой социализм” погасил национальные эмоции, “рыночный социализм” вернул рабскую зависимость от власти.

Чтобы самосохраниться, белорусы кинулись в дачное бытие.

Дача совместила и направила в одном направлении генетически обусловленную тягу белоруса к природе, мечту о собственной земле, возможность отсрочить нищету, организованную эгоистичными властями. Дача — умелый маневр власти, направившей внимание и усердие белоруса в землю.

Тут и случилась очередная трансформация белоруса: разогнувшись от земли, чтобы вытереть пот, он случайно глянул в небо — и растворился в бездонной и притягательной синеве. В последние годы мне не встречались дачники-романтики образца восьмидесятых. Они испарились. Встречаются лишь дачники поневоле. Государство сажает их в практически бесплатные электрички и отправляет с глаз долой — на дачу.

Дача — последняя форма адаптации белоруса к среде. Энергия толерантности исчерпана. Последачный белорус, испарившись в небеса, не исчезнет. Он теплым дождем прольется на родной край, чтобы здесь зачалась иная жизнь...

Дед Гриша и баба Таня умерли с разницей в семь дней в 1998 году. Их похоронили, согласно последней воле, в деревне. Печальная весть пришла ко мне по почте от их племянника, деда Онуфрия.

Я никогда не ограничиваюсь одноразовой журналистской встречей со своими героями, мои хроники обычно продолжаются вместе с жизнью людей, с которыми свела меня судьба. Даже их смерть не есть окончание сюжета, ибо остаются наследники, остается след в обществе, в природе. Меня тянуло на хутор, где я провел три дня и две ночи. Летом 2000 года я попал-таки туда.

Хутора как обжитого островка в природе уже не существовало. На поляне высоко и густо стояли камыши, лебеда, лопухи, скрывая пни сада. Дом был сожжен до тла, сарай полуразобраны-полуразвалены, колодец разрушен, журавль повален. Чудо-погреб был широко распахнут, на полу чернели остатки кострища.

После белорусов территорию заняли варвары.

2001